РОЗА В ЗОЛОТОЙ КЛЕТКЕ

История женщины, которую любил весь мир

Андрей Попов

Андрей Попов
Роза в золотой клетке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73411883
SelfPub; 2026

Аннотация

Вы думали, что знаете эту историю? Вы не знали главного. Диана мечтала о сказке – и получила золотую клетку. За блеском свадьбы века скрывались измены, одиночество и система, которая ломала её каждый день. Эта книга расскажет вам правду о женщине, которую любил весь мир, но не спас никто. Вы узнаете, что происходило за закрытыми воротами дворца, и поймёте – настоящее мужество это улыбаться, когда внутри всё рушится.

Фото из личного архива автора.

Содержание

Глава 1: “Девочка, которая верила в сказки” 4
Глава 2: “Свадьба, о которой говорил весь мир” 12
Глава 3: “За закрытыми воротами дворца” 21
Глава 4: “Имя, которое она не должна была знать” 30
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Роза в золотой клетке

Глава 1: “Девочка, которая верила в сказки”

Детство до дворца

Есть такая штука – детские мечты. Они бывают разные. Одни хотят стать космонавтами, другие – пожарными. А некоторые девочки мечтают о принце. Не потому что глупые. А потому что в их жизни уже с самого начала что-то пошло не так – и сказка казалась единственным выходом из этого.

Диана Спенсер мечтала о принце. И она его получила. Только вот сказка оказалась совсем другой.

Но это потом. Сначала – детство. А детство у неё было такое, что не каждый взрослый выдержит.

Маленькая Диана в большом поместье

Альторп. Это поместье в графстве Нортгемптоншир – огромное, старое, с высокими потолками и длинными коридорами, по которым гуляет сквозняк даже летом. Снаружи – красивые лужайки, деревья, покой. Внутри – совсем другая история.

Диана родилась первого июля 1961 года. Она была чет-

вёртым ребёнком в семье Джона Спенсера, виконта Альторпа, и его жены Фрэнсис. До неё уже были старшие сёстры – Сара и Джейн – и маленький брат Джон, который умер через несколько часов после рождения. Это случилось за год до появления Дианы на свет. И та боль так и осталась висеть в доме – невидимая, но ощутимая.

Родители очень хотели сына. Наследника. Это было важно – род, имя, поместье. Когда родилась Диана, её отец даже не сразу зашёл к матери. По крайней мере, так рассказывали потом. И маленькая девочка, которая ещё ничего не понимала, уже пришла в мир немного не вовремя, немного не той.

Через два года после неё родился Чарльз – брат, которого ждали. И жизнь в Альторпе закрутилась по-другому.

Диана росла тихой девочкой. Не в смысле молчаливой – она вполне умела шуметь и смеяться. Но внутри неё было это – умение наблюдать. Смотреть на людей и чувствовать то, что они не говорят вслух. Это качество потом сделало её такой особенной на публике. Она умела смотреть человеку в глаза – по-настоящему, не по протоколу.

В Альторпе у неё была своя комната. С окном на сад. Она любила сидеть там и читать – сказки, истории про любовь, про дальние страны. Она не была отличницей. Школу не особо жаловала. Зато умела быть рядом с людьми так, что им становилось лучше. Нянечки её обожали. Младший брат Чарльз таскался за ней хвостиком.

Но дом – это был не только сад и книги. Дом – это были

ещё и родители.

Родители, которые не любили друг друга

Джон Спенсер и Фрэнсис Шанд Кидд. Красивая пара. Аристократия. Приёмы, балы, светская жизнь. Снаружи – всё как надо.

Внутри – они давно уже жили как чужие люди под одной крышей.

Отец Дианы был человеком закрытым. Сдержанным. Не злым – нет. Но из тех, кто не умеет говорить о чувствах. Кто лучше промолчит, чем скажет что-то нежное. Таких мужчин в Британии того времени было много. Считалось нормой – держать себя в руках, не раскисать, не показывать слабость.

Мать – Фрэнсис – была другой. Живой, импульсивной. Ей нужно было тепло, разговоры, близость. Она задыхалась рядом с мужем. И однажды она нашла то, чего ей не хватало – у другого.

Диане было шесть лет, когда мать ушла из дома.

Просто ушла. Собрала вещи и уехала. Потом появилась ещё раз – попрощаться. Дети стояли на ступеньках Альторпа. Диана держала брата за руку.

– Мама вернётся? – спросил маленький Чарльз.

Диана не знала, что ответить. Она просто крепче сжала его руку.

Мама не вернулась. Она уехала с Питером Шанд Киддом

– бизнесменом, в которого влюбилась. Потом был развод – громкий, скандальный, жестокий. Отец получил опеку над детьми. Мать долго судилась за право видеться с ними.

В то время в Британии такое было редкостью. Мать, которая уходит от детей – это было что-то вроде позора. Бабушка со стороны матери, леди Рут Fermoy, встала на сторону зятя. Дала показания против собственной дочери. Фрэнсис проиграла суд. Детей у неё отобрали.

Диане было шесть лет.

Она потом говорила, что до сих пор помнит этот запах – материнских духов. И звук каблуков по каменному полу. И как закрылась дверь.

Первый урок предательства в семье

Это странно устроено – детская память. Она цепляется не за большие события. Она цепляется за мелочи. За детали. За то, что взрослые не замечают.

Диана запомнила, как после ухода матери дом стал другим. Тише. Холоднее. Не в смысле температуры – в смысле воздуха. Того самого воздуха, который бывает, когда люди вокруг стараются казаться нормальными, но всё равно что-то не так.

Отец взял себя в руки. Продолжал вести хозяйство, следил за детьми, нанял нянь. Одну за другой – они менялись часто, потому что Диана и Чарльз были непростыми детьми.

Не злыми. Просто – потерянными.

Диана плакала по ночам. Она сама об этом говорила потом. Тихо, чтобы никто не слышал. Засовывала лицо в подушку и плакала. Она не понимала – что она сделала не так? Почему мама ушла? Дети всегда думают, что это их вина. Всегда.

И вот это – это и есть первый урок. Первый раз, когда человек, которому доверяешь больше всего на свете, просто берёт и уходит. И ты стоишь с открытым ртом и не понимаешь, что произошло.

Диана этот урок усвоила. Только неправильно. Она решила, что надо стараться ещё сильнее. Надо быть лучше. Добрее. Красивее. Полезнее. Тогда люди не уходят.

Это убеждение потом сломало ей жизнь. Потому что сколько ни старайся – некоторые люди уходят. Не потому что ты плохой. А потому что они – такие.

Между тем – в Альторпе появилась новая женщина. Отец Дианы в 1976 году женился снова. Рэйн Маккоркодейл – дочь знаменитой писательницы Барбары Картленд, которая писала романтические романы. Умная, жёсткая, властная женщина. Она влетела в Альторп как хозяйка – переставила мебель, сменила обои, завела свои порядки.

Дети её невзлюбили сразу. Особенно Диана. Она называла мачеху “Дождеморфиной” – игра слов с именем Рэйн (rain – дождь по-английски) и словом “морфий”. Потому что та была сладкой снаружи и болезненной внутри.

– Ты снова не доела ужин, – говорила Рэйн за столом, глядя на Диану с прищуром.

– Я сыта, – тихо отвечала Диана.

– Сыта она. Ты смотри, какая бледная. Надо есть нормально, а не копаться в тарелке.

Отец молчал. Всегда молчал.

И Диана научилась молчать тоже. Держать внутри. Улыбаться снаружи.

Мечта о настоящем принце

Книги она читала запоем. Особенно – романтические. Барбара Картленд, как ни странно, писала как раз то, что Диана так любила – истории про любовь, про рыцарей, про то, как встречаются двое и всё меняется. Мачеха, которую она ненавидела, была дочерью автора книг, которые она обожала. Жизнь иногда так шутит.

В этих книгах всё было понятно. Есть принц – он добрый и красивый. Есть принцесса – она чистая и нежная. Они встречаются, преодолевают трудности, и в конце – счастье. Конец.

Диана верила в это. По-настоящему верила. Не наивно – а искренне. Так верят люди, которым в реальной жизни не хватает тепла. Которые ищут его хоть где – в книгах, в мечтах, в чужих историях.

В школе она не блистала. Дважды провалила вступитель-

ные экзамены в колледж. Не потому что глупая – просто не там искала. Зато умела танцевать. Любила детей. Работала с малышами – воспитательницей в детском саду, помощником няни. Когда она заходила в комнату к детям, они тянулись к ней. Такое бывает – человек, которому не додали тепла в детстве, часто отдаёт его другим с лихвой.

Ей было девятнадцать, когда в её жизни появился Чарльз.

Принц Чарльз. Настоящий. Наследник британского престола. Тот самый принц из книжки.

Она не сразу поняла, что это за человек на самом деле. Она увидела форму. Звание. Улыбку на официальных фото. И решила, что это – он. Тот, кого она ждала.

Это была первая большая ошибка её жизни. Но она ещё этого не знала.

Они познакомились через сестру Дианы – Сару, которая некоторое время встречалась с Чарльзом. Потом Чарльз переключился на младшую. Диана была моложе – свежая, незамутнённая, восторженная. Он звонил ей. Приглашал на пикники. Предложил руку и сердце после нескольких встреч.

– Ты выйдешь за меня? – спросил он. И она сказала "да" не думая.

Потом она признавалась – за всё то время, что они встречались, она ни разу не подумала: "А какой он на самом деле? Что ему нужно? Что я для него значу?" Она смотрела на него и видела принца из сказки. Не человека – образ.

А он смотрел на неё и видел… Что видел он – это уже

другая история. Это глава вторая.

Но перед тем, как перелистнуть страницу – подождите секунду. Вот что важно. Диана выросла в доме, где любовь уходила без объяснений. Где отец молчал, мать уехала, мачеха командовала. Где не было никого, кто бы просто обнял её и сказал: “Всё хорошо. Ты – достаточно. Просто так, без условий.”

И она всю жизнь искала этого человека. И когда думала, что нашла – бросалась туда, не смотря под ноги.

Это не слабость. Это – человеческое. Очень узнаваемое, если честно.

Многие из нас делали то же самое. Просто не в таких масштабах. И не под прицелом камер всего мира.

В маленьком Альторпе с его длинными коридорами и сквозняками выросла девочка с голубыми глазами и открытым сердцем. Слишком открытым для того мира, в который она шла. Мир королевского двора не прощает открытых сердец. Он их ломает.

Но впереди была свадьба. И пока – только радость. Пока ещё только сказка. Слёзы потом.

Глава 2: “Свадьба, о которой говорил весь мир”

29 июля 1981 года

Представьте себе: раннее утро, Лондон, июль. На улицах – уже с четырёх часов ночи – стоят люди. Тысячи. Семьи с детьми, пенсионеры на раскладных стульях, молодёжь прямо на брусчатке. Флаги, термосы с чаем, бутерброды в пакетиках. И все смотрят в одну сторону – туда, где вот-вот проедет карета.

Такого Лондон не видел, наверное, с коронации Елизаветы в 1953-м. Весь мир – буквально весь – прилип к экранам. Пишут, что трансляцию смотрел примерно миллиард человек. Миллиард. Это как если бы каждый четвёртый житель планеты в тот день бросил всё и включил телевизор. Японцы не спали ночью ради прямого эфира. В Индии трансляцию крутили в кинотеатрах. Советские газеты назвали это событием буржуазного шоу – но и они написали о нём.

А в центре всего этого – двадцатилетняя девушка, которая ехала в карете и, если верить тому, что она сама потом говорила, уже тогда чувствовала что-то не то.

Платье с семиметровым шлейфом

Это платье стало легендой. Его до сих пор называют одним из самых известных свадебных платьев в истории. Хотя, честно говоря, когда смотришь на него сейчас – понимаешь, что мода восьмидесятых была, мягко говоря, своеобразной.

Огромные буфы на плечах. Корсет, расшитый жемчугом и стеклярусом. И шлейф – почти восемь метров длиной. Он не помещался в карете нормально. Его складывали, мяли, заталкивали. Когда Диана вышла на ступени собора Святого Павла, платье выглядело немного помятым – именно из-за дороги.

Дизайнеры – Дэвид и Элизабет Эмануэль – держали всё в строжайшем секрете. Ткань хранили в сейфе. Лекала уничтожали после использования. Даже среди помощников никто не знал, как выглядит платье целиком, пока оно не было готово.

Диана надевала его утром в комнате Кларенс-хауса – резиденции, где она остановилась перед свадьбой. Помогали её старшие сёстры – Сара и Джейн. Они поправляли фату, застёгивали пуговицы. Диана смотрела на себя в зеркало.

– Ну как? – спросила она.

– Ты красавица, – сказала Сара. – Просто красавица.

Диана улыбнулась. Но улыбка была немного… неживая. Те, кто был рядом, это видели. Только не говорили об этом.

Не время было говорить об этом.

В платье был спрятан маленький сюрприз – на подошве туфли дизайнеры написали инициалы: “C” и “D”. Чарльз и Диана. Мелочь, конечно. Но такая человеческая, такая живая мелочь на фоне всей этой государственной торжественности.

Карета тронулась в 11 утра. Путь до собора Святого Павла – около трёх километров. По обе стороны дороги – люди, люди, люди. Они махали руками, кричали, плакали. Лондон в тот день был искренним. Это было что-то настоящее – народная любовь, которую не купишь и не срежиссируешь.

Диана смотрела в окно кареты и старалась не думать о том, что думала. Думала о Чарльзе. О том, каким он будет сегодня. О том, что после сегодня – всё изменится.

Всё действительно изменилось. Только не так, как она надеялась.

Миллиард зрителей у экранов

В Советском Союзе телевизор тогда был почти в каждом доме. По одному каналу – новости, по другому – фильм. И вдруг – прямой эфир из Лондона. Не везде показывали, конечно. Но кто мог – смотрел. И потом пересказывали друг другу. Соседке, подруге, на работе.

Это было какое-то общее переживание – через все границы. Люди, которые никогда не видели Англии и никогда не

увидят, сидели у маленьких экранов и следили за каретой, за платьем, за двумя молодыми людьми, которые шли под венец.

Почему это так цепляет людей – свадьбы знаменитых? Особенно королевские?

Наверное, потому что это похоже на сказку, которую все знают с детства. Принц. Принцесса. Карета. Замок. И мы как будто немножко становимся частью этой сказки, наблюдая. Как будто и в нашей жизни есть что-то волшебное – раз такое существует на свете.

В Австралии трансляция шла в три часа ночи – и люди не спали. В США прерывали утренние шоу. В маленьких деревнях Индии собирались вокруг единственного телевизора в деревне.

Чарльз ждал Диану у алтаря. Он стоял в военном мундире – парадном, с орденами. Рядом – его брат Эндрю, шаферы. Огромный зал собора Святого Павла вмещает около трёх тысяч человек. И все три тысячи были там – политики, аристократы, главы государств, королевские родственники со всей Европы.

Когда Диана вошла – зал замер.

Она шла медленно. Рядом – отец, Джон Спенсер, который к тому времени уже перенёс инсульт и шёл с трудом, но шёл. Она держала его под руку. Шлейф тянулся за ней – восемь метров нежно-кремового шёлка с кружевом.

Чарльз обернулся. Посмотрел на неё.

– Ты выглядишь изумительно, – сказал он тихо, когда она подошла.

Она улыбнулась. Потом – и это попало в камеры – нервно дёрнула уголком рта. Буквально на секунду. Но секунда была заметна.

Слёзы на ступенях собора

Вот что мало кто помнит – или не знает. Перед тем, как войти в собор, Диана на ступенях остановилась. Буквально на несколько секунд. Подняла голову, глубоко вдохнула. И на глазах – у неё блеснули слёзы.

Телевизионщики это поймали. Многие решили – это от счастья. Невеста плачет – она просто взволнована. Всё правильно. Всё нормально.

Но есть люди, которые видели это иначе. Её подруги, которые знали её по-настоящему. Они потом говорили – это были не слёзы счастья. Это было что-то другое. Она сама потом сказала, что в тот момент ей было очень одиноко. Что она стояла перед огромной толпой, перед миллиардом зрителей – и чувствовала себя совершенно одной.

Потому что знала.

Знала про Камиллу. Или – почти знала. Догадывалась. Что-то такое уже было – какая-то тень, чужое имя, которое промелькнуло не вовремя. Но она решила не думать об этом. Решила верить.

Внутри собора всё шло по протоколу. Архиепископ Кентерберийский – Роберт Ранси – вёл венчание. Хор пел. Диана слегка перепутала имена Чарльза – назвала его “Филипп Чарльз Артур Джордж” вместо правильного порядка. Чарльз пошутил вполголоса.

– Хоть бы половину всех его богатств мне отошло, – сказал он.

Диана не ответила. Она была слишком напряжена.

Когда он надевал ей кольцо – руки у неё чуть дрожали. Камеры поймали и это.

После службы – выход на балкон Букингемского дворца. Пожалуй, это самый известный момент. Толпа внизу ревела. Тысячи людей – море голов, флагов, улыбок.

– Поцелуй! – кричали из толпы. – Поцелуйте её!

Чарльз посмотрел на мать – королеву Елизавету. Та чуть кивнула. И он – немного скованно, немного по-протоколу – поцеловал Диану. Не долго. Почти дежурно.

Толпа взревела от восторга.

Диана улыбалась. Держала его за руку. Смотрела вниз – на тысячи людей, которые пришли ради неё.

Это был, наверное, самый одинокий момент в её жизни. Окружённая миллионом людей – и совершенно одна.

Первое предчувствие беды

Медовый месяц они провели сначала на яхте Britannia –

королевской яхте, которая отплыла в Средиземное море. Потом – в Балморале, шотландском замке королевской семьи.

Диана потом рассказывала, что медовый месяц был тяжёлым. Чарльз брал с собой книги. Читал. Она пыталась разговаривать – он отвечал коротко. Он любил рыбалку – часами стоял с удочкой у воды. Она не умела и не любила рыбачить. Она хотела говорить – он не умел говорить о чувствах.

Они были слишком разные. Но раньше – в период ухаживания – это как-то не было так заметно. Или она просто не хотела замечать.

На яхте она нашла кое-что, чего искать не собиралась. Цепочка с подвеской. Буква "C" и буква "G" – переплетённые. Камилла и Чарльз. Он собирался подарить её. Или уже подарил – и это была запасная. Или это была совсем другая история – версии расходятся.

Но Диана всё поняла. Молча. Ничего не сказала.

Она ещё не знала, как говорить о таком. Не умела. Её учили быть вежливой, сдержанной, не создавать сцен. Весь её аристократический воспитание говорило: "Молчи. Держись. Улыбайся."

И она улыбалась.

В Балморале стало немного лучше – горный воздух, длинные прогулки. Но уже там она замечала, что Чарльз звонит по телефону – долго, и куда-то, и явно не по государственным делам. Выходит из комнаты, чтобы поговорить. Возвращается – другой. Более расслабленный. Более живой.

С ней он был вежлив. Заботлив – в бытовом смысле. Но не близок. Это разные вещи.

Близость – это когда человек смотрит на тебя и видит именно тебя. Не образ, не функцию, не королевскую невесту. Тебя.

Чарльз видел в Диане что-то другое. Что именно – это вопрос, на который до сих пор нет однозначного ответа. Возможно, он сам не знал. Он был старше её на тринадцать лет. Прожил другую жизнь. И в его жизни уже давно было место, которое он не собирался освобождать.

А Диана – она просто хотела, чтобы её любили. По-настоящему. Не потому что красивая, не потому что подходящая невеста, не потому что нужно. А просто так.

Этого не случилось. Ни в медовый месяц. Ни потом.

Но она ещё надеялась. Молодость – она такая. Верит дольше, чем надо.

Осенью 1981 года молодожёны вернулись в Лондон. Их ждал Кенсингтонский дворец – официальная резиденция. Их ждала новая жизнь.

Диана переступила порог этого дворца – с надеждой, с улыбкой, с желанием начать. По-настоящему начать.

Что её там ждало – рассказ впереди. И это – совсем другая история.

Но вот что хочется сказать. Это ведь – очень узнаваемо, правда? Входить куда-то с надеждой и уже в первые дни чувствовать: что-то не то. И молчать. Улыбаться. Ждать, что са-

мо пройдёт.

Само не проходит. Никогда.

И Диане предстояло это понять – долгим и очень болезненным способом. Впереди были годы. И в этих годах было всякое – измены и слёзы, дети и публичные улыбки, срывы и победы. Она не сломалась сразу. Она была сильнее, чем казалась.

Но это – уже следующая глава.

От автора: Здесь хочется остановиться и сказать прямо. Эта книга – не осуждение. Не Чарльза, не Камиллы, не королевы. Это история об одном человеке, который оказался в ситуации, из которой не было простого выхода. И о том, как этот человек в итоге поступил – по-своему, по-живому. Судить – дело читателя. Я просто рассказываю.

Глава 3: “За закрытыми воротами дворца”

Первые месяцы брака

Есть такое ощущение – когда заходишь в красивый дом и понимаешь, что здесь что-то не так. Всё красиво, всё дорого, всё на месте. Но воздух – не тот. Как будто в этих стенах давно никто не смеялся по-настоящему. Не обнимался просто так. Не говорил вслух то, что думает.

Кенсингтонский дворец был именно таким домом.

Диана переехала туда осенью 1981 года. Двадцать лет. Молодая жена. Принцесса Уэльская – официально, по бумагам, по протоколу. И совершенно потерянная – внутри.

Холодные коридоры Кенсингтона

Кенсингтонский дворец стоит в западной части Лондона. Он не такой огромный, как Букингемский, – но всё равно это дворец. Высокие потолки, длинные коридоры, картины на стенах, слуги, которые появляются бесшумно и исчезают так же. Снаружи – Кенсингтонские сады. Красиво. Ухоженно. Тихо.

Тишина там – особая. Не та, что бывает на природе или в деревне, когда тихо – и хорошо. Там тихо – и давит.

Диана потом говорила, что в первые недели она просто бродила по коридорам и не знала, что делать. Буквально. Чем занять день? Куда пойти? С кем поговорить? Всё было расписано – приёмы, выходы, официальные мероприятия. Но между этим – пустота. Огромная, гулкая пустота.

У неё не было подруг рядом. Своих людей – тех, с кем можно просто выпить чаю и поговорить ни о чём – не было. Её старые подруги остались в прошлой жизни. В новой жизни все вокруг были либо слугами, либо придворными. И те, и другие – не друзья. Слуги улыбались и выполняли просьбы. Придворные – смотрели внимательно и молчали о том, что думают.

Она пробовала звонить подругам. Иногда они приезжали. Но это было не то. Это было как визит в другой мир – они приходили, видели всё это великолепие и немного терялись сами. А потом уезжали, и снова – коридоры, тишина, слуги.

По утрам Чарльз уезжал рано. У него был плотный график – встречи, мероприятия, поездки. Он был принц, у него была работа. Настоящая, серьёзная. Диана понимала это умом. Но понимать умом и принимать сердцем – разные вещи.

Она оставалась одна. В огромном дворце. Иногда весь день.

Однажды – это было в первые месяцы – она прошла по всем комнатам и посчитала шаги от одного конца до другого. Просто чтобы было чем заняться. Потом нашла маленькую комнатку на верхнем этаже – почти пустую, с одним окном

в сад – и стала ходить туда. Просто сидеть у окна. Смотреть на деревья.

Это не романтика. Это – человек в ловушке, который ищет хоть какой-то угол, где можно выдохнуть.

Муж, который не смотрел в глаза

Чарльз Филипп Артур Джордж – принц Уэльский, наследник британского трона. Ему было тридцать два года, когда они поженились. Взрослый, образованный, воспитанный человек. Кембридж. Флот. Годы публичной жизни.

И при всём при этом – в личном плане он был… трудным. Это мягко сказано.

Он не умел быть близким. Не потому что не хотел – а потому что его этому не учили. Вообще. От слова совсем. Королевская семья – это место, где эмоции считаются чем-то неловким. Где "держать себя в руках" – это доблесть. Где детей отправляют в закрытые школы-пансионы в восемь лет – и они учатся там не плакать, когда больно, и не смеяться слишком громко, когда смешно.

Чарльза так воспитали. Его мать – королева Елизавета – была женщиной долга. Она любила своих детей, это не вопрос. Но показывать это публично было не принято. Обнять при людях – неловко. Сказать "я тебя люблю" вслух – почти невозможно. Это просто не было принято в этой семье.

И Чарльз вырос таким – закрытым. Умным, начитанным,

думающим – но закрытым.

Диана хотела говорить. Она хотела разговоров по вечерам – о том, как прошёл день, о чувствах, о мыслях. Она хотела, чтобы он смотрел на неё. По-настоящему смотрел.

Он смотрел мимо. Не специально. Просто – так.

– Как прошёл твой день? – спрашивала она за ужином.

– Нормально, – отвечал он. – Много встреч. Ты как?

– Тоже нормально.

И снова – тишина. И звук приборов по тарелкам.

Она пробовала рассказывать смешные истории – он вежливо улыбался. Пробовала говорить о серьёзном – он слушал, кивал, но как-то… отстранённо. Как будто она говорила через стекло.

Однажды она напрямую спросила его – любит ли он её. Они стояли в спальне, это был обычный вечер. Она спросила – и сразу пожалела, потому что увидела, как он напрягся. Как начал подбирать слова.

– Конечно, – сказал он наконец. – Конечно, люблю.

Но сказал это так – будто отвечал на официальный вопрос. Без тепла. Без того, что должно быть за этим словом.

Диана отвернулась. Сделала вид, что смотрит в окно.

Это – больно. Очень больно – когда тебе говорят правильные слова неправильным голосом. Когда слово есть, а чувства за ним нет. Это как получить подарок в красивой упаковке, внутри которой – пустая коробка.

Правила, которым невозможно следовать

Придворная жизнь – это не просто жизнь во дворце. Это система. Сложная, многовековая, с правилами, которые никто не объясняет вслух – потому что “все и так знают”. Проблема в том, что Диана не знала.

Она выросла в аристократической семье, это правда. Но одно дело – провинциальная британская аристократия. Другое – королевский двор. Это как разница между районным чиновником и президентом. Формально – одна система. На деле – другая планета.

Её никто специально не учил. Никакого вводного курса. Никаких пояснений. Просто – ты теперь принцесса, всё сама поймёшь. Или не поймёшь – и тогда смотри, как смотрят на тебя те, кто понял раньше.

Как нужно стоять на официальных мероприятиях. Как держать руки. Куда смотреть, когда говорит королева. Кому первой подавать руку при встрече. Когда можно говорить, а когда – нет. Как правильно кланяться. Что можно надевать, а что – нет. Какие темы допустимы в разговоре, а какие – категорически нет.

Она ошибалась. Постоянно. Не из дерзости – просто не знала.

Однажды на официальном обеде она начала разговор с кем-то из гостей раньше, чем это полагалось по этикету. Ме-

лочь – но придворные это заметили. Зафиксировали. Переглянулись.

В другой раз она надела не то платье для какого-то мероприятия. Снова переглядки. Снова молчаливые оценки.

Никто не говорил ей открыто – ты сделала не так. Просто молчали определённым образом. Смотрели определённым образом. И в этом молчании было больше осуждения, чем в любых словах.

Её пресс-служба – точнее, пресс-служба дворца – тоже жила по своим законам. Что говорить журналистам, что не говорить. Какие фотографии разрешать, какие – нет. Диане объяснили: твои интервью согласовываются заранее. Твои высказывания – тоже. Ты не говоришь журналистам ничего без разрешения.

Она кивнула. Согласилась.

Внутри – что-то сжалось. Потому что она – живой человек. Не функция. Не символ. И молчать – когда хочется говорить – это мучительно.

У неё была советница – дама при дворе, пожилая аристократка, которая должна была ей помогать. Помощь выглядела примерно так:

– В следующий раз на таких мероприятиях не смотрите в объективы так долго. Это выглядит как позёрство.

– Но я просто смотрела…

– Я понимаю. Просто запомните на будущее.

Диана запоминала. Копила. Всё это копилось где-то внут-

ри – правила, взгляды, молчания, холодные коридоры.

И при этом – снаружи она уже была звездой. Её фотографии расходились по всему миру. Журналы писали о ней. Людям она нравилась – искренне, сильно. Куда бы она ни приехала – толпы, цветы, восторг.

Это была странная жизнь. Снаружи – всеобщая любовь. Внутри – полное одиночество.

Одиночество рядом с тысячей слуг

Вот парадокс: она никогда не была одна физически. Всегда кто-то рядом. Горничная. Охрана. Помощник. Дама при дворе. Повар. Садовник. Водитель. Секретарь. Тысяча людей, которые обслуживали её жизнь.

И она была совершенно одна.

Одиночество – это ведь не когда никого нет рядом. Одиночество – это когда рядом есть люди, но поговорить не с кем. Когда тебя обслуживают, но не слышат. Когда тебе вежливо улыбаются, но не видят.

Слуги в Кенсингтоне были профессиональными. Они делали всё правильно. Но они не были её людьми. Они работали. И Диана не могла – не имела права по протоколу – общаться с ними как с равными. Поговорить по душам с горничной – это было бы нарушением всех правил придворной жизни.

Хотя – она нарушала. Иногда. Не могла не нарушать.

Повариха, которая работала в Кенсингтоне – Мэрилин Риу – потом рассказывала в интервью, что Диана часто заходила на кухню. Просто так. Садилась на стул у плиты и начинала разговаривать.

– Как ваши дети? – спрашивала она.

– Хорошо, мэм, спасибо.

– А сколько им лет? Они ходят в школу?

И разговор шёл. Про детей, про школу, про то, что сегодня на обед. Обычный разговор. Живой.

Придворные это не одобряли. Шептались – принцесса ведёт себя не как принцесса. Неуместно. Панибратство.

Диане было всё равно. Это был один из немногих моментов, когда она чувствовала себя живой.

По ночам она не спала. Лежала в огромной спальне и слушала тишину дворца. Чарльз спал в другой комнате – раздельные спальни в королевских семьях это норма, традиция. Но традиция всё равно давила.

Она начала звонить подругам. Поздно вечером – когда никого не было рядом. Шептала в трубку, боясь, что услышат.

– Мне плохо, – говорила она.

– Что случилось?

– Ничего конкретного. Просто плохо.

– Но ты же принцесса. У тебя есть всё.

– Да, – говорила она. – Всё есть.

И клала трубку.

Именно это – “у тебя есть всё” – она слышала потом ещё

много раз. От разных людей. Когда пыталась объяснить, что ей тяжело. Люди не понимали. Как можно быть несчастной, когда ты живёшь в дворце?

Очень просто. Ещё как можно.

К весне 1982 года Диана была беременна. Это стало той точкой, которая изменила всё – она почувствовала что-то настоящее. Что-то своё. Ребёнок внутри – это было живое, это было её. Никакого протокола, никаких правил, никакой системы. Просто – новая жизнь.

И пусть дворец давил, и муж молчал, и коридоры были холодными – но впереди был ребёнок. И это держало.

Пока держало.

Но до того – до ребёнка, до следующей главы – нужно сказать ещё вот что. Внутри этой жизни – красивой снаружи и пустой внутри – уже начинало что-то прорастать. Не ярость. Не злость. Пока ещё просто – вопрос.

Кто я здесь? Для чего я здесь? Меня любят – или то, что я представляю?

Это вопрос, на который она искала ответ ещё очень долго. И нашла его только тогда, когда стало почти невыносимо.

Следующая глава – про это невыносимое. Про имя, которое она услышала слишком рано. И которое потом преследовало её все годы.

Глава 4: “Имя, которое она не должна была знать”

Появление третьей

Есть слова, которые меняют всё. Не сразу – постепенно. Сначала просто слышишь звук. Потом начинаешь думать. Потом не можешь перестать думать. И в какой-то момент понимаешь – до этого слова была одна жизнь, после – другая.

Для Дианы таким словом стало имя.

Камилла.

Пять букв. Просто имя. Но это имя стало для неё чем-то вроде второго сердца – болезненным, лишним, которое билось рядом с её собственным и никак не останавливалось.

Камилла – имя как приговор

Камилла Шанд – позднее Паркер Боулз – появилась в жизни Чарльза задолго до Дианы. Они познакомились в начале семидесятых. Ей было около двадцати трёх, ему – двадцать два. Молодые, весёлые, оба любили лошадей, охоту, деревенскую Англию. Оба умели говорить ни о чём – и при этом именно о том, о чём хочется.

Они подходили друг другу. Это правда. Те, кто их знал в то время, говорили именно так – они подходили.

Но жениться на ней Чарльз не мог. Или – считал, что не может. Придворные правила тех лет были жёсткими в вопросах о том, кто может стать женой наследника. Камилла не была идеальной кандидатурой по ряду причин, которые сейчас звучат дико, но тогда воспринимались серьёзно. И Чарльз уплыл служить во флот – а Камилла вышла замуж за другого. За Эндрю Паркер Боулза – военного, который давно за ней ухаживал.

Вышла. Родила детей. Стала Камиллой Паркер Боулз.

Но связь с Чарльзом не оборвалась. Это важно понять. Они не расстались в классическом смысле. Они просто продолжили жить параллельными жизнями – он со своей жизнью, она со своей, и при этом – никуда не делись друг для друга.

Когда Чарльз начал ухаживать за Дианой, Камилла была в курсе. Более того – по некоторым свидетельствам, именно она сказала ему, что Диана – хороший выбор. Молодая, неопытная, управляемая. Не создаст проблем.

Вот это – если правда – то это страшно. Не потому что злобно. А потому что так цинично спокойно.

Диана об этом узнала позже. Но имя Камиллы она услышала раньше, чем думала.

За несколько недель до свадьбы – на прощальной вечеринке перед бракосочетанием – Диана случайно услышала разговор. Чарльз разговаривал по телефону. Голос – мягкий, тёплый, совсем не тот, каким он говорил с Дианой. Она не

разобрала всего. Но имя – разобрала.

Она не спросила. Промолчала. Решила – почудилось. Или – ничего страшного. Или – это прошлое, это не важно.

Сколько раз мы говорим себе “это не важно” – когда на самом деле очень важно. Просто страшно признать.

Старая связь, которую не разорвали

После свадьбы – после медового месяца, после переезда в Кенсингтон – жизнь вошла в какой-то ритм. Официальные мероприятия, поездки, приёмы. Диана постепенно осваивалась. Училась держаться. Улыбаться правильно. Говорить нужные слова в нужный момент.

И при этом – краем глаза, краем уха – замечала.

Чарльз бывал на охотах в Бедфордшире, где жили Паркер Боулзы. Это была норма – аристократы ездят друг к другу на охоту, это традиция, в этом нет ничего странного. Ничего странного.

Но Диана замечала – после таких поездок он возвращался другим. Не раздражённым и не холодным – а, наоборот, немного расслабленным. Как будто где-то зарядился. Как будто побывал там, где ему хорошо.

Рядом с Дианой ему не было так хорошо. Это было видно. И она это видела.

Камилла иногда появлялась на тех же мероприятиях, что и они. Официальных – охота, скачки, светские вечера. И

каждый раз, когда это происходило, Диана наблюдала за Чарльзом. Как меняется его лицо. Как светлеет взгляд. Как он держится рядом с Камиллой иначе – свободнее, живее.

– Ты знакома с Камиллой? – спросил он однажды – будничным тоном, как будто речь шла о дальней знакомой.

– Немного, – сказала Диана. Так же будничным тоном.

Больше они эту тему не трогали. Долго.

Камилла Паркер Боулз была женщиной без очевидной красоты – в том смысле, в каком обычно понимают красоту журналы. Не модельная внешность, не блеск Дианы. Но у неё было что-то другое – уверенность. Спокойствие. Умение быть собой, не извиняясь за это. Она не нервничала в обществе. Не думала о том, правильно ли стоит, правильно ли говорит. Она просто – была.

И Чарльз рядом с ней – тоже просто был. Без протокола, без напряжения.

С Дианой у него всегда было напряжение. Потому что она хотела большего, чем он умел дать. Она хотела близости – он не умел. Она плакала – он не знал, что делать с чужими слезами. Она злилась – он уходил в себя.

Это не значит, что он был плохим человеком. Это значит, что они были – не парой. В полном смысле слова.

Но они уже были женаты. На виду у всего мира. И у них вскоре должен был родиться ребёнок.

Телефонные звонки в ночи

Это началось постепенно. Диана точно не могла сказать – когда именно. Просто в какой-то момент она стала замечать, что Чарльз звонит по телефону по ночам. Не поздним вечером – именно ночью. Когда думал, что она спит.

Она не спала.

Она лежала в темноте и слышала – из соседней комнаты, через закрытую дверь – его голос. Тихий. Другой. Не тот, которым он говорил днём на официальных приёмах. Не тот, которым разговаривал с ней.

Тёплый. Почти нежный.

Она не вставала. Не шла проверять. Просто лежала и слушала звук – не слова, просто звук. И понимала.

Однажды она всё-таки встала. Осторожно вышла в коридор. Остановилась у его двери.

– …я тоже скучаю, – говорил он. – Очень скучаю.

Дальше она не слушала. Вернулась в комнату. Легла. Уставилась в потолок.

Утром за завтраком – всё как обычно. Он листал газеты. Она пила чай. Слуга принёс яйца всмятку.

– Хорошо спала? – спросил Чарльз, не отрываясь от газеты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.